

Цао Цинъюнь не спешил:

— Я слышал, что у вас, брат, есть только один слабый здоровьем старший брат, и вы очень близки. Почему бы вам не поставить себя на моё место? Господин Лу, не разрушайте отношения между моим отцом и мной.

Неужели он собирается перейти от слов к делу? Лу Сяо с горькой улыбкой выпил свою чашу вина:

— Брат Цао, дайте мне немного времени. Я как-нибудь встречу с этим крестьянином.

Мужчина напротив рассмеялся и тут же приказал слуге принести ещё вина, продолжая обращаться к Лу Сяо как к брату.

Недавно закончился дождь, и в воздухе витал запах сырой земли и травы.

Ветер развеивал грубую одежду крестьянина, который неустанно работал в поле. За деревом стоял юноша с изящными чертами лица, молча наблюдая за происходящим. Вскоре из-за поля появилась пожилая женщина, дрожащими руками несущая простую корзину с едой. Её лицо было измождённым, но спокойным. Крестьянин, вытирая пот с лица, небрежно сказал:

— Мама, почему ты пришла так рано?

Женщина с тревогой в голосе ответила:

— Да? Я просто думала, что ты всё ещё работаешь, и не знала, когда ты устанешь или проголодаешься, поэтому решила прийти пораньше.

Крестьянин, смущённо улыбаясь, взял корзину, бормоча что-то вроде «Мама, ты слишком много трудишься».

Мать и сын стояли на краю поля, разговаривая о своих делах, а Лу Сяо, наблюдавший за ними, незаметно исчез.

Чжао Чжифан, ещё неженатый, жил с пожилой матерью. Их семья проживала здесь уже более ста лет. Старушка Чжао, тоскуя по покойному мужу и страдая от болезней, наотрез отказывалась покинуть южный район города. Цао Цинъюнь, настаивая на том, чтобы забрать их землю, даже не предложил им альтернативного жилья. Чжао Чжифан, для которого сыновняя почтительность была превыше всего, каждый раз прогонял слуг Цао Цинъюня. Однако он не был настолько самоуверен, чтобы нарушать закон, и после двух недель противостояния с матерью и сыном Чжао обратился к Лу Сяо.

Ситуация семьи Чжао не выходила из головы Лу Сяо. Сегодня он уже в третий раз наблюдал за матерью и сыном. Они жили в бедности, завися друг от друга, и Лу Сяо не мог найти в себе сил выгнать их из родного дома.

После ужина в Тереме Юэцзян Цао Цинъюнь то и дело намекал Лу Сяо, и хотя тот пару раз уклонялся от ответа, он не мог избежать постоянного давления.

В Министерстве налогов появился новый начальник, и среди коллег было принято устраивать пиры. Обычно Лу Сяо решал, идти или нет, в зависимости от настроения. Но после двух недель проблем с Цао Цинъюнем он сослался на недомогание старшего брата и отказался. Однако коллеги, обычно не слишком настойчивые, стали уговаривать его, и Лу Сяо, почувствовав неладное, согласился прийти.

После службы у дворцовых стен стояла карета из дома Нин.

Лу Сяо замедлил шаги, незаметно приближаясь к богато украшенной карете. Сяо Тан, сопровождавшая Нин Хуая, была девушкой сообразительной и тут же подошла к нему.

Госпожа князя и драгоценная наложница Нин всё ещё смеялись, а Нин Хуай, сидевший рядом, смотрел на свою тётю, которую он должен был называть «гугу». Он уже несколько минут обдумывал, как начать разговор, когда драгоценная наложница Нин мягко сказала:

— Если ты устал, Эрлан, можешь прогуляться.

Драгоценная наложница Нин была уже не молода, и Нин Хуай, находясь рядом, мог разглядеть морщинки вокруг её глаз. Однако эти морщинки не портили её красоту, а скорее подчёркивали её, как дар времени.

Нин Хуай поклонился и, взяв с собой слугу, вышел из комнаты.

Во дворце все знали второго сына из дома Нин, поэтому он без препятствий прошёл до императорского сада. Там он вдруг изменил направление, а слуга, не задавая вопросов, последовал за ним.

Драгоценная наложница Нин была на пике своей славы, и слуги внутренних дел, будучи людьми умными, без указаний императора Юнькана, обустроили дворец Сяньфу с роскошью, достойной её положения.

А перед Нин Хуаем стоял дворец, у которого даже не было имени. Высокие стены окружали его, у входа не росло ни травинки, а вместо таблички на двери вились сухие ветки. Ни одного охранника не было видно. Единственное, что выделялось, — это массивная железная дверь, закрытая на замок. Нин Хуай осторожно постучал, и вскоре из-за двери раздался мягкий женский голос:

— Ещё не полдень, господин Цюань, почему вы так рано?

Но за дверью стоял вовсе не господин Цюань. Лю Яо, подняв голову, увидела круглое лицо Нин Хуая. Нин Хуай, касаясь потрёпанной каменной стены, тихо сказал:

— Сестра Лю Яо, это я.

Служанка, как натянутая струна, быстро впустила Нин Хуая, а затем осмотрела двор, прежде чем закрыть железную дверь. Её лицо было спокойным, и она мягко улыбнулась:

— Господин Нин, наконец-то вы пришли.

Нин Хуай с виной в голосе сказал:

— В последнее время мне не удавалось найти повод прийти сюда.

Служанка лишь улыбнулась, ведя его внутрь. С крыши капала вода, а в главной комнате стояли только стол и стул. Внутри была лишь одна комната, где помещались кровать и небольшой шкаф.

Се Шэньянь сидел на этой кровати, одинокий и бледный.

Нин Хуай затаил дыхание, видя только его большие чёрные глаза на бледном лице.

Первый раз Нин Хуай увидел Се Шэньяня именно таким, и за почти десять лет ничего не изменилось. Тогда Нин Хуай только поступил во дворец как сопровождающий Се Шэньяна, и группа детей чиновников окружила его. Смешно сказать, но теперь Нин Эрлан, который так хорошо знал дворец, когда-то заблудился в его лабиринтах. Нин Хуай был маленьким, и в императорском саду было шумно. Когда потерялся младший сын князя, было ли это случайностью или умышленным действием слуг, теперь уже неизвестно.

Лю Яо за эти годы почти не изменилась, за исключением того, что стала выше. Она всегда была такой же мягкой и спокойной, как в памяти Нин Хуая. Он помнил, как впервые увидел её, совсем юную девушку, которая испугалась, увидев ребёнка за дверью, и в тот момент позволила маленькому Нин Хуаю войти.

В тот день Се Шэньянь, вопреки обыкновению, не прятался в комнате, а сидел на холодных каменных ступенях во дворе. Маленький Нин Хуай подбежал к нему, прижавшись к худому и холодному юноше:

— Братец, меня зовут Нин Хуай. А тебя как?

Нин Хуай клялся, что и пятнадцатилетний, и двадцатичетырёхлетний Се Шэньянь были самыми красивыми людьми, которых он когда-либо видел. Он долгие годы был заперт в этой смешной железной клетке, и единственным живым человеком, которого он видел, была Лю Яо. Внутри было темно, и Се Шэньянь редко выходил в главную комнату, проводя больше времени в ночи, чем при свете дня. Маленькое круглое лицо Нин Хуая было румяным, а лицо Се Шэньяня было болезненно бледным.

Лу Сяо всегда говорил, что господин Ци красив, но Нин Хуай считал, что его красота была

слишком женственной. Что касается А Ся, он тоже был красив, но по-другому — с ясными чертами лица.

Теперь прошло много лет, и Се Шэньянй вырос в мужчину с широкими плечами и высоким ростом. Раньше он мог обнять маленького Нин Хуая, а теперь мог обнять и подростка Нин Хуая. В сердце Нин Хуая представление, заложенное в детстве, не изменилось: этот человек, старше его на восемь лет, всё ещё был хрупким цветком, нуждающимся в его защите.

Нин Хуай мягко опустился на колени перед ним, положив левую руку на тыльную сторону руки Се Шэньянй, и серьёзно объяснил:

— В последнее время он не звал меня во дворец, и когда я приходил, он всего пару слов говорил и отправлял меня обратно. Только сегодня мама отправила письмо во дворец, и я смог прийти.

О том, кто был этот «он», они оба знали, и Нин Хуай не упоминал имя Се Шэньсина.

Се Шэньянй всё ещё сидел, как будто погружённый в медитацию, только тихо произнёс что-то в горле. Нин Хуай вздохнул, обнял его и, положив голову на плечо Се Шэньянй, тихо сказал:

— Братец Шэньянй, не сердись на меня.

Нин Хуай, не обращая внимания на его реакцию, продолжил говорить, болтая о том, что происходило в последнее время. Се Шэньянй напряжённо чувствовал тепло Нин Хуая, пока не услышал, как тот с притворным раздражением сказал:

— Если ты так не хочешь со мной говорить, то я не буду тебе мешать.

Возможно, он слишком долго молчал, и его голос был хриплым.

Если бы кто-то другой был здесь, он бы с удивлением воскликнул: «Неужели старший принц, который считался немым, может говорить!»

Нин Хуай, услышав, как Се Шэньянй называет его имя, крепче обнял его за талию и медленно сказал:

— Я шучу, я никуда не уйду.

<http://bllate.org/book/15439/1369293>